

МИРЧА ЭЛИАДЕ

ДЕВЯТНАДЦАТЬ РОЗ

ТОТЕНБУРГ

МОСКВА 2022

УДК 7.037.28
ББК 85.33
346

***Все права на книгу находятся под охраной издателей.
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена
каким-либо способом без согласования с издателями.***

Перевод с румынского — Юлия Горноскуль.

Элиаде М.

346 Девятнадцать роз — М.: Тотенбург, 2022. — 326 с.

ISBN 978-5-9216-2390-3

«Девятнадцать роз» (1979) — венец творчества Мирчи Элиаде, «орфический» роман, в котором профессор изложил свои мысли о театральном спектакле как о способе выхода из Времени. Также в нем переосмыслены орфические мистерии, что связывает его со сборником «Очерки о Танатосе и Эросе». Книгу дополняют ранние новеллы Элиаде, вдохновленные искусством драматургии: «Генеральские мундиры» (1971) и «Инкогнито в Бухенвальде» (1974). Основная тема трех произведений не теряет своей актуальности — это обретение индивидуальной абсолютной свободы, данной человеку от рождения, даже в условиях тоталитарного государства.

В конце приводится обзор концепции Мирчи Элиаде о сакральной функции театра и трактовка романа от переводчика.

**УДК 7.037.28
ББК 85.33**

© Юлия Горноскуль,
перевод с румынского

ISBN 978-5-9216-2390-3

© Издательство «Тотенбург», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Мирча Элиаде

ДЕВЯТНАДЦАТЬ РОЗ	5
1.....	7
2.....	17
3.....	25
4.....	31
5.....	37
6.....	42
7.....	46
8.....	52
9.....	58
10.....	64
11.....	71
12.....	79
13.....	91
14.....	96
15.....	105
16.....	109
17.....	120
18.....	126
19.....	136
20.....	145
21.....	151
22.....	158
23.....	171
24.....	175
25.....	180

<i>Мирча Элиаде</i> ГЕНЕРАЛЬСКИЕ МУНДИРЫ	183
<i>Мирча Элиаде</i> ИНКОГНИТО В БУХЕНВАЛЬДЕ	257
<i>Юлия Горноскуль</i> САКРАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ ТЕАТРА ПО МИРЧЕ ЭЛИАДЕ. ТРАКТОВКА РОМАНА «ДЕВЯТНАДЦАТЬ РОЗ»	297

МИРЧА ЭЛИАДЕ

ДЕВЯТНАДЦАТЬ РОЗ

1

Несколько минут он молчал, рассеянно глядя в окно. Я закрыл записную книжку и сунул ее в карман.

— Если хотите, — робко предложил я спустя какое-то время, — завтра я приду на час или даже на два часа раньше. И принесу вам напечатанный текст.

— На завтра, — произнес он, лениво повернув голову, — у меня были другие планы... Впрочем, — продолжил он после паузы, — думаю, лучше всего так и сделать...

И вот тогда раздался стук в дверь. Я удивленно вскочил с места, но в следующее мгновение дверь отворилась. В комнату вошел юноша — высокий, светловолосый и, как мне показалось, необычайно бледный. Было видно, что он стесняется, но при этом он ступал решительным, твердым шагом.

— Прошу прощения, — сказал он, направляясь к письменному столу. — Вы господин Ангел Д. Панделе? Маэстро?..

— Но что вам угодно? — перебил я его.

Будто не слыша меня, он продолжал:

— Маэстро Думитру Ангел Панделе? Писатель?

— Да, это я, — ответил Панделе, улыбаясь так, как это делал только он: загадочно и несколько иронично.

Юноша остановился перед стулом рядом с печатной машинкой и потер левой рукой себе лоб.

— Прошу прощения, — прошептал он, — но раз так, то...

Он глубоко вздохнул и заговорил, постепенно повышая голос, произнося четко и торжественно каждое слово:

— Прошу вас не принять это за оскорбление, но в таком случае... В таком случае вы... прошу прощения за то, что я сейчас вам скажу... Вы мой отец, вы мой папа...

И он опустил на стул и посмотрел на меня с отчаянием, будто умоляя помочь. Не знаю почему, меня разозлил этот взгляд приговоренного к смерти человека. Я шагнул к нему.

— Как вы сюда попали?

— Через кухню... Дверь была открыта, и тогда...

Я перебил его:

— И зачем вы пришли? Пытаетесь шантажировать? Или у вас шизофрения?

— Прошу вас, не сердитесь, — сказал он и спокойно, с достоинством поднялся передо мной. — Я знал, что это будет нелегко, даже болезненно. Но я должен был это сделать. Я пообещал...

— Кому ты пообещал? — спросил Панделе.

Он казался спокойным, даже безучастным, но меня было не обмануть: я хорошо знал, что, как он любил поговаривать, за ним водится один благородный порок — любопытство.

— Моей невесте, Никулине. Я пообещал ей, что мы попросим у вас благословения. Благословения на нашу свадьбу, — уточнил он, слегка покраснев. — Как видите, это просто формальность. Мы вас ни о чем не просим. И мы никому не расскажем. Но если вы против, то мы больше не придем...

Я слушал его, и мне пришло на ум, что он может стать мне симпатичен. В другом костюме и без

галстука он выглядел бы интересным юношей; профиль у него был, как на александрийских монетах.

— Как тебя зовут? — спросил Панделе.

— Сердару. Лауриан Сердару. Мне двадцать восемь лет, и мы оба, я и Никулина, закончили Бухарестскую консерваторию. Но я работаю инструктором по плаванию в бассейнах Урикань, а Никулина дает частные уроки французского и латыни.

Панделе смотрел на него глубоким сосредоточенным взглядом. Улыбка исчезла с его лица.

— Однако с чего ты взял, что я твой отец? Тебе так сказала твоя мама?

Юноша опять потер себе лоб.

— Нет. Мама никогда мне такого не говорила. Хотя я догадываюсь, что она собиралась сказать мне что-то такое потом, когда я закончу лицей. Но она умерла, когда мне было девять лет.

— В таком случае, — перебил я его, — откуда ты знаешь, что она собиралась сказать это тебе, когда ты закончишь учебу?

Сердару глянул на меня; в его лице по-прежнему не было ни кровинки.

— Не думаю, что у меня есть право вам это говорить, — произнес он чуть погодя.

— В общем, — опять вмешался Панделе, — от кого ты это узнал, если не от мамы? Кто тебе об этом сказал?

Юноша по очереди обвел нас взглядом, и его лицо озарилось, будто в этот момент он вспомнил о своей тайной радости.

— Никулина. Она выяснила это прошлой зимой, перед нашей помолвкой. Это случилось в Предяле, во время репетиций. Там репетировали пьесу «Высоко звезда восходит...», и мы оба в ней играли.

Панделе несколько раз пожал плечами; я догадался, что происходящее начинает его забавлять.

— Не понимаю, — произнес он со своей неподражаемой притворной серьезностью.

— Вы имеете полное право не понимать, потому что все гораздо сложнее, чем кажется на первый взгляд. Я хочу сказать, вы не можете этого понять, потому что вы еще не знаете, что мы репетировали. А мы репетировали пьесу «Орфей в Аду», около трех недель, — а там, в последнем акте, были наши роли, конечно, незначительные, но в любом случае мы ведь не просто играли... А потом вдруг — видимо, по распоряжению центрального руководства — дирекция решила отменить репетиции. А поскольку близилось Рождество, они заменили «Орфея в Аду» на пьесу «Высоко звезда восходит...». Знаете, — добавил он тихо, — эта пьеса по праву считается самой удачной антирелигиозной комедией, антиобскурантистской, как принято говорить.

Он вдруг замолчал, уставившись на Панделе пристальным взглядом, как будто ждал чего-то: ответа, жеста.

— Я все равно не понимаю.

— Вам ничего не напоминает эта смена программы?

— Нет.

— Верно, ведь с тех пор прошло почти тридцать лет... Но, простите за такой вопрос: не вы ли написали тридцать лет тому назад «Орфея и Эвридику», трагедию в двух актах и пяти картинах?

Панделе откинулся на спинку кресла и, запрокинув голову, расхохотался: видимо, он пришел в чудесное расположение духа, вот только я не понимал, почему.

— Но послушайте, откуда вы узнали про «Орфея и Эвридику»?! Это единственная пьеса, которую я написал за всю свою жизнь. Ее никогда не ставили, и я нигде ее не публиковал, даже отрывками.

— Пьеса была написана белым стихом, — продолжал Сердару, — и она была скорее религиозной, чем философской, хотя ее подзаголовок звучал как «Введение в древнейшую метафизику».

— Прежде всего, пьеса была глупой, претенциозной и надуманной...

— Но один раз, — продолжал Сердару, — один-единственный раз, в декабре 1938 года, ее репетировали. В Национальном театре Сибиу.

— Ты и об этом узнал? — воскликнул Панделе все так же добродушно. — Верно, ее начали репетировать, но спустя где-то недели три директор театра Миху ушел в отставку, — на деле его заставили уйти, — и новый директор убрал мою пьесу из афиши.

Сердару завороченно слушал его, не в силах оторвать от него взгляда.

— В ту неделю вы были в Сибиу. Вы присутствовали на репетициях. Вы остались и после того, как их прекратили, в надежде, что вам удастся уговорить нового директора...

— Я был наивен. Слишком наивен.

— Вы были молоды...

— Не так уж и молод, — перебил его Панделе с грустной улыбкой. — Мне вскоре должно было исполниться тридцать три года...

Они оба замолчали, опустив глаза. Я почувствовал, что нужно вмешаться, и как можно скорее.

— Но я все же не понимаю. Не вижу здесь никакой взаимосвязи... Только то, что в обоих случаях репетиции отменили.

Сердару повернулся ко мне и глянул на меня с признательностью, словно я помог ему выйти из очень неловкого положения.

— Вот и я ничего не понимал, пока мне не сказала Никулина. Она заметила, что в обоих случаях репетиция пьесы о сошествии Орфея в Ад прервалась незадолго до Рождества. И в обоих случаях ее заменили представлением о Тайне Рождества, о рождении Иисуса Христа в Вифлееме...

— Но ведь, — перебил его Панделе, — пьеса «Высоко звезда восходит...» была написана намного позже, около шести-восьми лет назад...

Таинственно улыбаясь, юноша вновь обвел нас по очереди взглядом.

— Я говорю не о антиобскурантистской комедии, пьесе Аурела Веригэ, а о святочной песне «Высоко звезда восходит, словно тайна...». Потому что, повторяюсь, вы были в Сибиу, и близилось Рождество.

— Верно; тогда начался снегопад, и я боялся, что снег заметет железнодорожные пути. Впрочем, так и произошло, — добавил он задумчиво.

— Вы провели первые дни Рождества в Сибиу, — продолжал Сердару, — и тогда убедили нескольких актеров и актрис, репетировавших «Орфея и Эвридику», устроить рождественский спектакль с колиндами, святочными песнями...

Панделе слушал его, погрузившись в свои мысли. Он слегка нахмурился и почти что смежил веки.

— Не думаю, что это была *моя* идея, — произнес он наконец низким голосом. — Иначе я бы пом-

нил... А я помню только то, что я был очень подавлен, потому что мне не удалось уговорить нового директора оставить мою пьесу, и особенно потому, что я не мог попасть на Рождество в Бухарест...

— И все же, — настаивал Сердару, — разве вы не помните, что в Рождественскую ночь вы были вместе со всем актерским составом — к вам еще присоединились несколько студентов из Клужской консерватории, — и вы все пришли домой к одному вашему другу, который ждал вас за накрытым столом? И там, послушав песню «Высоко звезда восходит, словно тайна...», вы сказали при всех, обращаясь в первую очередь к актрисе, игравшей роль Эвридики, что именно *тогда вы поняли, насколько глубоко и значительно сходство между Орфеем и Иисусом Христом...*

Панделе затряс головой и резко перебил его:

— Нет, нет, ты заблуждаешься! Сходство между Орфеем и Иисусом Христом я обнаружил гораздо позже. Я даже пытался написать на эту тему повесть, но она показалась мне неуместной, и я бросил это дело... И я не помню никакого друга в Сибиу, который ждал меня в сочельник с накрытым столом. Единственным человеком, с кем у меня завязалась дружба, был Миху, бывший директор театра.

Тогда я впервые услышал ее голос...

— Лауриан, признайся, что у тебя ничего не вышло!

Я испуганно обернулся. Дверь в гостиную была широко открыта; на пороге стояла девушка с чемоданом в руке. Она была одета причудливо, я бы сказал, даже вызывающе: в длинное платье цвета незрелого винограда, которое лет десять-пятнадцать на-

зад, наверное, было изысканным, а теперь смотрелось заношенным и штопаным-перештопаным.

— Но ты же знаешь, — продолжала она, — редко когда удается вспомнить все с первого раза.

Никогда еще я не слышал подобного голоса. Он не был похож на знакомые мне голоса актрис или примадонн. Я смущенно вскочил на ноги. Будто поджидая меня, через несколько секунд из-за письменного стола встал и Панделе. Он был не менее удивлен, чем я.

— Я Никулина Николае, его невеста, и я прошу прощения за то, что подслушивала у двери. Но речь шла об очень важном для нас деле. Важном в первую очередь для меня, — добавила она, аккуратно поставив чемодан на краешек ковра. Я смотрел, как она, улыбаясь, медленно шествует к нам торжественной поступью, то замирая на месте, то делая широкие шаги, — и только тогда понял, что она очень красива. Она подошла к Панделе и протянула ему руку, склонив голову, будто перед правителем.

— Рада, что мы с вами наконец-то встретились, пусть даже в таких деликатных обстоятельствах. Я читала ваши первые романы, когда еще училась в лицее, и уже тогда жалела, что вы не пишете пьес...

Как потом признался мне Панделе, это его не только изумило, но и, непонятно почему, сильно растрогало. Он повернулся ко мне.

— Это господин Эусебиу Дамиан. Мой неутомимый секретарь и деятельный сотрудник. Если в будущем вам доведется читать «Воспоминания», изданные под моим именем, то знайте, что по большей части их составил именно Эусебиу. Потому что

я диктую ему, — добавил он, пытаясь улыбнуться, — и сам не знаю, как диктую...

Никулина слегка кивнула мне, но не подала руки.

— У меня в чемодане лежат несколько костюмов, — сказала она, — но, как мне кажется, сейчас не самый подходящий момент для спектакля. Мы подготовили несколько выступлений, — добавила она с грустной усмешкой, не отводя глаз от лица Панделе.

— Мы задумали по меньшей мере четыре, а то и пять сцен, — пояснил Сердару. — Смотри как пойдет беседа.

Панделе бросил на меня недоуменный взгляд, будто пытаясь удостовериться, что он правильно все расслышал.

— Конечно, — произнес он. — Мне было бы очень приятно увидеть, как вы исполняете, пусть даже здесь, в моем кабинете, великую роль...

— Мы думали о кое-чем другом, — перебила его Никулина. — Не столько о персонажах всемирно известных драм, сколько о традиционном спектакле, с масками или без, но с пантомимами и хореографией под аккомпанемент определенных древних мелодий, о которых теперь мало кто помнит. Например, Лауриан знает...

— Наверное, лучше не настаивать, — оборвал ее Сердару. — Единственное, что важно...

— И вправду, — подхватила Никулина, — единственное, что важно — это ваше благословение. Свадьба будет завтра. В самом узком кругу, как говорится. На самом деле, — усмехнулась она, — будем только мы вдвоем — и служебные лица.

— Интересно! Крайне интересно! — прошептал я.

— Действительно, крайне интересно, — повторил Панделе.

Он снова посмотрел на меня. Никогда еще я не видел его таким беспомощным. Не зная я его хорошо, я бы подумал, что он охвачен каким-то нелепым и необъяснимым страхом.

— А вообще, почему бы нам не сесть?! — воскликнул я, обеими руками показывая на кресла и стулья.

— Действительно, садитесь, — повторил Панделе, обращаясь к Никулине и готовясь пододвинуть кресло.

Я тут же бросился к нему, зная, что ему нужно беречься от физических нагрузок.

— Благодарим вас, — сказала Никулина, когда Панделе обошел стол и уселся на свое место. — Благодарим вас от всей души... Вот уже двести сорок три дня, как мы вдвоем мечтали об этой встрече.

— Именно двести сорок три дня, — подтвердил Сердару. — Мы пересчитали количество еще раз перед тем, как сюда прийти...

2

Едва за ними закрылась дверь, как Панделе сказал мне:

— Поужинай сегодня здесь, со мной. Я попрошу Екатерину что-нибудь приготовить.

Я хотел было что-то сказать, но он не давал мне возможности. Он все говорил и говорил — лихорадочно, взхлеб.

— Она знает в этом толк. Может, омлет с ветчиной и салат? У нас есть и виски, и цуйка, и вино. Пожалуй, начнем с виски. Или ты предпочитаешь цуйку?

— Нет, я тоже буду виски. Но вы должны знать, что Екатерина ушла где-то в три, в половине четвертого...

Панделе замер на полпути к своему креслу; обернувшись, он недоуменно посмотрел на меня.

— А что случилось? Почему она ушла вот так, не предупредив?

Я протянул ему помятый листок, вырванный из календаря. На нем прописными буквами (она умела писать только так) были нацарабаны пять коротких предложений. Екатерина извинялась: мол, слыша, как он «вдохновенно диктует», она не осмелилась войти в кабинет и известить, что она уезжает опять, на сутки. Также она объясняла саму причину ухода: в этот раз она была уверена, что видела его (Иоанида, своего соблазнителя) в машине и знает, где его искать.

— Ладно, — он скомкал бумажку, — не беда. Управимся и без ее помощи. Но, — спросил он чуть погодя с улыбкой, — где на этот раз она оставила записку?

— Прилепила ее к японской лампе.

Я начал было рассказывать, как я ее обнаружил. Когда Никулина заговорила про репетиции в Предряле, я вдруг вспомнил о Екатерине и задался вопросом, как это она впустила в дом незнакомку, к тому же столь странно одетую, с чемоданом в руке? И тогда я тихонько встал и чуть ли не на цыпочках вышел в гостиную. Там мне на глаза попался календарный листок, приклеенный к абажуру японской лампы, — как обычно, маркой в десять баней¹.

— Да не важно, — перебил меня Панделе. — Сядь и расскажи, что ты думаешь о всей этой истории? Тебя ничего не поразило?

— Еще как! В первую очередь меня пора...

— Ведь это и вправду потрясающе... — опять перебил меня Панделе, еще более взбудораженно. — Потрясающе, что этот незнакомец, который считает себя моим сыном, явился сюда, чтобы рассказать мне об «Орфее и Эвридике» буквально через час после того, как я говорил тебе про ту годовщину с Михаилом Себастьяном, Камилом Петреску и прочими писателями и актерами, когда мы почти всю ночь спорили о театре, спорили прежде всего о возможностях по-новому интерпретировать классические мифы, — и я говорил им про миф об Орфее...

Я озадаченно смотрел на него, не зная, что сказать.

¹ Бан — румынский эквивалент российской копейки. — *Здесь и далее по тексту прим. пер.*

— Вы мне этого не диктовали. Вы только сказали: «Я вдруг осознал, что мне исполнилось тридцать три года», — и погрузились в свои мысли. Вы смотрели в окно, и я долгое время не смел вас беспокоить...

— Однако, — возразил Панделе, — я рассказывал тебе о символике возраста тридцати трех лет — это возраст Иисуса Христа, — и я начал вспоминать ту дискуссию, когда мы чуть было не рассорились с Камилом, потому что он в корне отрицал попытки реактуализировать классические мифы, а я настаивал, что, по крайней мере, в случае с Орфеем и Эвридикой современный драматург мог бы...

Я вытащил из кармана блокнот и раскрыл его на последней исписанной странице.

— Если позволите, я вам прочитаю записи последних фраз. Вы говорили: «Как это случилось ежегодно, вечером 21 сентября я пригласил к себе всех друзей. Но в этот раз *что-то*, не знаю, что именно, *что-то* как будто бы изменилось. Я вдруг осознал, что мне исполнилось тридцать три года». Вот так, а после этого вы замолчали и отвернулись к окну. Я боялся вас рассердить и не смел поднять глаз от блокнота.

— Занятно, — произнес он. — Я был уверен, что надиктовал тебе гораздо больше. Наверное, я диктовал тебе мысленно... Ну как бы там ни было, — заговорил он снова после паузы, — тебя не поразило это совпадение?

— Еще как поразило. Но я обратил внимание и на кое-что другое. Например, как Никулина узнала, что один из ключей от дома всегда лежит под придверным ковриком?..

— Да брось! — перебил он меня, даже не пытаюсь совладать с нетерпением. — Женщины по своей природе наделены дьявольской интуицией, почти что предвидением... А что ты скажешь о том, с какой смелостью она сорвала с себя это жалкое платье, этот наряд старой кокетки, и осталась в черном трико и начала танцевать, хлопая в ладоши? А ты заметил, с каким изяществом она поднимала руки над головой и при этом била ладонями с такой силой, будто у нее в руках были кастаньеты?

Я уже давно хотел сказать, что хочу пить, что я бы с превеликим удовольствием выпил стакан виски с содовой, но вообще мне хватило бы и большого стакана воды. Но я все никак не мог его перебить.

— Тебе ничего не напомнил этот танец? Второй танец и, как по мне, самый удачный, самый завораживающий?

— Сказать вам по правде, — признался я, — большую часть танца я пропустил. Я ушел в спальню, чтобы ответить на телефонный звонок, а когда вернулся, Никулина уже заканчивала танцевать. Она сделала несколько движений, упала на колени, натянула на себя платье и села обратно в кресло.

Панделе нахмурил брови и уставился на меня пристальным, непонимающим взглядом.

— Ты что-то путаешь, — сказал он. — Телефон зазвонил гораздо позже, когда начался третий «спектакль», выражаясь их словами, — в котором главную роль исполнял Лауриан... Но, в конце концов, это неважно, — продолжал он, не давая мне вставить и слово. — Больше всего мне понравился второй танец. Он напомнил мне танец Саломеи из пьесы Оскара Уайльда, которую я видел в молодости в Берли-

не. А еще он напомнил мне индийские танцы и выступления Удай Шанкара².

— Я тоже их видел, здесь, в Бухаресте, три года назад. Но, — решил я, резко встав со стула, — я бы охотно выпил стакан содовой. Я знаю, где что лежит, — продолжал я, направляясь на кухню. — Захвачу и бутылку виски.

— Ясно, что вся эта история про мать, которая должна была сказать ему правду по окончании лица, и эта подпись, которая в понимании Никулины должна была открыть отцовство мальчика, — вся эта история шита белыми нитками. Эти ребята приходили сюда с другой целью. Но с какой? Ты что думаешь? — резко спросил он. — Что им нужно?

У меня не хватало духу сказать ему всю правду, сказать, что я думаю, особенно о той подписи, сделанной в «Мельничном колесе», самом популярном романе Панделе: «Сибю, Рождество 1938, Орфей, *“Высоко звезда восходит...”*», которую мать Сердару дополнила спустя шесть лет, в 1945 году, дописав карандашом: «*Лауриану. Когда ты вырастешь, то поймешь нас и простишь*». Как верно заметила Никулина, в этой подписи было нечто тревожащее и загадочное.

Я немного помолчал.

— У меня сложилось такое впечатление: они оба страстно любят театр, любят выступать. А девушка, несомненно, великолепная актриса — видимо, поэтому она не может найти место ни в одном театре и вынуждена зарабатывать себе на жизнь,

² Удай Шанкар — индийский танцор, хореограф; известен созданием стиля фьюжн-танца и приспособлением европейских театральных

преподавая французский и латынь. Как бы там ни было, они видят в театральном спектакле сакральное представление.

— И что? — разочарованно спросил Панделе. — Зачем они тогда ко мне пришли? Они же прекрасно знают, что я не драматург. При всем моем желании я бы ничего не смог для них сделать.

— На мой взгляд, дело обстоит так: раз они воспринимают спектакль всерьез, то есть для них это ритуал, то они пришли попросить вас дать благословение на ритуал их свадьбы.

Панделе замолчал, потом взял стакан и начал медленно потягивать виски, весь в своих мыслях.

— Может быть и такое, — сказал он. — Поэтому я поддержал их игру и благословил их. Вообще, почему я должен был отказать им? Мне ничего не стоило это сделать, — добавил он, пытаясь имитировать (но безуспешно) вульгарность Параскива Симионеску, его большого соперника. — Это была просто формальность.

— Однако вы видели, что для них, особенно для девушки, благословение было не просто формальностью, а настоящим ритуалом. Вы же видели, как она волновалась, когда при расставании упала на колени, поцеловала вам руку и сказала: *Benissez-nous, mon pere!*³

Я спохватился, но не понял, почему Панделе смотрит на меня с изумлением.

приемов к индийскому классическому танцу.

³ С фр. — «Благословите нас, мой отец!»

— Да, это был трогательный момент, — произнес он. — Я не ожидал, что она встанет на колени и поцелует мне руку. Я совсем растерялся.

— А я бы на вашем месте, — осмелел я, — поднял ее и расцеловал бы в щеки.

Панделе вновь глянул на меня с изумлением, почти с гневом.

— Но я так и сделал! — выпалил он. — Только я не целовал ее в обе щеки. Сперва я поцеловал ее в лоб, а потом уже в щеку...

Я почувствовал, как краска заливает мне лицо, и этот признак слабости показался мне унижительным.

— Прошу прощения. Наверное, я плохо разглядел. Я стоял здесь, возле двери, и был так рад, что они наконец-то уходят, что, видимо, упустил кое-какие детали...

Панделе хмуро смотрел на меня, мрачней все больше.

— Эусебиу, — произнес он строго, — если бы я не знал тебя столько лет, то я бы подумал, что ты издеваешься надо мной — либо ты на грани срыва.

— Почему, Маэстро? — спросил я сконфуженно.

— Потому что вся эта сцена с падением на колени и поцелуями происходила не возле двери, когда мы прощались. Это случилось намного раньше, после третьей сцены, когда они оба подошли ко мне, — я как раз поднялся из-за стола, чтобы их поздравить, — и тогда Сердару взял ее под руку, и глубоко поклонился, и...

— Точно! — воскликнул я и, не зная, что еще сделать, хлопнул себя по лбу. — Все было так, как вы говорите. Теперь-то я вспомнил.

Но я сказал так от безысходности, потому что не хотел его обидеть. На самом деле, *вся сцена произошла так, как говорил я: возле двери, когда они уходили.* Никулина в последний раз надела свое платье, взяла в руку чемодан и опустилась на колени.

— Ты переутомился, — сказал Панделе, настоятельно глядя на меня. — Пора бы завязать с ночными приключениями. Тебе уже не двадцать лет...

3

На следующее утро меня разбудил телефонный звонок.

— Надеюсь, ты хорошо отдохнул, — начал он таким голосом, каким говорил во времена былой славы. — И, надеюсь, я не обидел тебя вчера вечером, раз уж я позволил себе быть с тобой честным.

Я пробормотал что-то, что первое пришло на ум, но вряд ли он меня слышал.

— Я тебя вот о чем попрошу, — продолжал он. — Я навел справки и выяснил, что церемония состоится в примарии четвертого сектора, сегодня в 11 утра. Будь добр, купи девятнадцать роз и в конце церемонии вручи букет Никулине. Скажи, что это от меня, и передай...

Я почувствовал, как у меня забилося сердце, и взволнованно крикнул:

— Секунду, пожалуйста, я ищу карандаш...

Когда я снова взял трубку, то услышал на том конце провода его кашель.

— Я поперхнулся, — сказал он как-то неловко. — Представь себе: вчера вечером, когда ты ушел, меня вдруг обуяло жуткое желание покурить. Я пошел в «Селект» и купил в баре пачку американских сигарет.

Сначала мне показалось, что он шутит. Я вспомнил, как возмущался Ионицэ. Это неприемлемо, шумел Ионицэ, это говорит о дурном воспитании — приглашать людей к себе домой и прямо в дверях указывать им на табличку с кривой надписью «Курение строго запрещено». Ладно еще, если

человек болен или у него аллергия на сигаретный дым — но ведь А.Д.П. здоров!

— И до полуночи, — добавил он тоном, который показался мне вызывающим, чуть ли не агрессивным, — до полуночи я выкурил всю эту пачку! Как в старые добрые времена...

— Не знал, что вы когда-то курили...

— Я много курил в молодости, — продолжал он все тем же тоном. — Даже чересчур много. Вот почему мне пришлось бросить...

Похоже, он попытался рассмеяться, но опять зашелся кашлем. Когда я посчитал, что он сможет меня услышать, я спросил:

— Что написать в визитной карточке?

Он заколебался.

— Думаю, лучше подарить букет без карточки. Просто скажи ей: это от господина Ангела Д. Панделе.

— Сказать, что вы желаете им счастья и удачи, что-нибудь в этом роде?

Опять повисла пауза; я чувствовал, что он не может решить, и, как обычно бывало в таких случаях, его терпение вот-вот лопнет.

— Нет! — отрезал он. — Думаю, все это лишнее. Букет из девятнадцати роз, который передашь именно ты, мой друг и сотрудник, — этого будет достаточно. И если это не нарушит твои планы, приходи ко мне после церемонии...

Как я и предполагал, когда я вошел в цветочный магазин, он уже заказал розы по телефону. И, похоже, он выбрал розы с самыми длинными стеблями. Я чувствовал себя нелепо с этим гигантским букетом в руках, тем более что я сделал ошибку, надев свой самый элегантный костюм, единственный, который одобрял А.Д.П. К счастью, мне

удалось быстро поймать такси. Я подъехал к примарии где-то без десяти одиннадцать и обеспокоенно взбежал по лестнице. Зал ожидания был набит битком. Я встал посреди толпившихся людей, ища глазами Никулину. И внезапно осознал, что нервничаю: вдруг Никулина придет в том ужасном платье? Я не представлял себе, как я поклонюсь и торжественно передам ей букет роз.

Но когда я прошел из одного конца зала в другой и не нашел жениха с невестой, меня охватила паника. Вдруг церемония уже прошла или она идет именно сейчас, но в другом помещении? Я спросил у первого же встречного, есть ли здесь другие залы ожидания. Он не знал и отправил меня к справочному бюро. Там стояло несколько человек. Через некоторое время я пробился к окошку, даже не зная, с какого вопроса начать. Хорошо еще, что девушка, чей строгий и усталый голос сразу же меня смутил, увидела меня беспомощного, с этим гигантским букетом, — и рассмеялась. Первым делом она спросила у меня имена ребят. Я повторил их трижды, и тогда, подняв глаза от записной книги, она огорченно произнесла:

— Это не у нас. Вы, наверное, перепутали примарии. Вероятно, они сейчас в пятом секторе, на улице полковника Локустяну.

— Они оба актеры, — настаивал я. — Может, это их актерские имена, сценические псевдонимы...

Девушка долго не спускала с меня недоумевающего взгляда.

— Но как мне тогда их определить? — улыбнулась она.

— И вправду, это практически невозможно....

Я смущенно поблагодарил ее и стал пробиваться к выходу. Выйдя на улицу, я посмотрел на часы:

11:30. Я медлил, спрашивая себя, звонить ли А.Д.П., как вдруг через десять-пятнадцать метров с места тронулся грузовик, и мне показалось, что я увидел в кузове силуэт Никулины. (На самом деле, я узнал ее платье.) Я побежал, крича им вслед, но они вряд ли услышали меня, а через несколько секунд грузовик исчез за углом.

Около получаса я тщетно пытался поймать машину. В конце концов, я сел на троллейбус и поехал до памятника К. А. Росетти, а оттуда пошел к дому Панделе. Я шел медленно, не потому что выбился из сил, а потому что не знал, что сказать. Нужно ли ему говорить, что я видел — или, по крайней мере, так мне показалось — силуэт Никулины?

К моему удивлению, у входа меня ждала Екатерина.

— Он уехал! — воскликнула она. — Собрал один чемодан и уехал!..

Чтобы не выдать своего замешательства и досады, я протянул ей букет роз.

— Думаю, их нужно поставить в самую большую вазу, в ту синюю вазу, которая стоит в гостиной. И налить побольше воды.

Затем я степенно прошел в кабинет. Екатерина послушно последовала за мной, держа букет двумя руками, как младенца.

— Сначала, в половине десятого, он долго говорил с кем-то по телефону, — начала она таинственно, — а потом попросил меня принести ему чемодан — новый, с этикеткой. Я хотела ему помочь, но он сказал, что управится сам. Потом он позвонил...

— Он не оставил мне записки? — спросил я.

— А то! Он оставил вам на столе конверт, *запечатанный конверт*, — повторила она с нажимом.

Похоже, он запечатал его, чтобы Екатерина не прочла содержимое. Видя, что она стоит рядом, обуреваемая любопытством, и надеется догадаться по моему лицу, о чем письмо, я мягко указал ей на розы.

— Если ты сейчас их не подрежешь и не поставишь в воду, они завянут.

Как я и боялся, послание было лаконичным и загадочным. «Похоже, что в скором времени произойдут решающие события. Решающие и значительные для нас обоих. Не знаю, сколько меня не будет. Пожалуйста, побудь, как всегда, моим заместителем. И что бы ни случилось, нужно отправить “Воспоминания” в издательство к оговоренной дате».

Сунув письмо в карман, я пошел на кухню.

— Что пишет? — спросила Екатерина. — Что произошло?

— Он не объяснил, что произошло. Возможно, он нашел новый сюжет для романа... Ты же знаешь, он всегда так делает, когда ему в голову приходит идея для нового романа.

— Или, может, — перебила меня Екатерина, понимающе улыбаясь, — может, он встретил новую героиню. Как это произошло три года назад.

— Может быть и такое. Это мы узнаем потом...

Так было и в прошлый раз: мы все узнали потом, за несколько дней до его возвращения. Причем узнали случайно, по чужой неосмотрительности: Екатерина — от шофера, а я — от секретарей издательства. А.Д.П. исчез не для того, чтобы писать новый роман. Он скрывался в Сигишоаре со студенткой с факультета журналистики.

— Это мы узнаем потом, — повторил я. — А пока займемся делом. Я буду приходить ежедневно после полудня и работать здесь до вечера. Если

будут звонить, ты всем говори одно и то же: господин Панделе уехал, за подробностями пусть звонят мне с двух до шести. Только если утром или вечером позвонит сам Маэстро, — проговорил я твердо, — только в этом случае ты сразу звони мне домой.

Екатерина слушала меня с рассеянным видом, осторожно перебирая розы.

— Знаете, вчера вечером у него кто-то был, — произнесла она многозначительно. — И, видимо, не один человек. Они выкурили девятнадцать сигарет; я пересчитала их, потому что пепельницы у них не было, и они тушили бычки о блюде.

— Знаю, — перебил я ее. — Маэстро звонил мне сегодня утром... Но почему ты вернулась так рано? Тебя ждали к трем, к половине четвертого.

— Я ошиблась, — прошептала она, краснея. — Это был не он...

И пытаясь скрыть от меня слезы, она занялась цветами.

— В любом случае, — добавил я, — пока Маэстро в отъезде, тебе лучше не отлучаться из дома.

Подойдя к двери, я опять повернулся к ней.

— Как он уехал? На такси? Или его забрали на машине? Или за ним прислали лимузин из Союза писателей?

Не поднимая глаз, потому что она уже несколько раз укололась шипами, подрезая стебли, Екатерина ответила раздраженно, почти через силу:

— Ни на машине, ни на такси, ни на лимузине. За ним приехал какой-то старый разбитый грузовик... Мне стало стыдно, что нас увидят соседи, и я тут же зашла в дом...

4

Подавленный, я сел за рабочий стол в кабинете. Если А.Д.П. решил, что влюбился в Никулину, и надеется на новое приключение, то это значит, что он ничего не понял — или не хочет ничего понимать. Теперь я жалел, что не решился сказать ему правду: по всей вероятности, Лауриан был его сыном. Пусть и загадочное, посвящение на титульном листе романа «Мельничное колесо»: «*Сибиу, Рождество 1938, Орфей, “Высоко звезда восходит...”*» — обрело свой смысл благодаря словам, приписанным карандашом шесть лет спустя: «*Лауриану. Когда ты вырастешь, то поймешь нас и простишь*». Догадки Никулины были верны: мать Сердару была той актрисой, которая должна была играть роль Эвридики в пьесе Панделе. Незадолго до смерти, лежа в больнице, она поручила одному своему другу передать сыну эту книгу, когда он закончит лицей.

Тогда, в Сибиу, в декабре 1938 года, во время репетиций роли Эвридики она была замужем за доктором Сердару, но через несколько лет они развелись. Она больше не вышла замуж, а доктор умер в последний год войны. Лауриан вырос у тетки. Доктора он видел лишь несколько раз, потому что тот осел в Клуже, а единственными вещами, что остались ему от матери, был серебряный крестик и экземпляр «Мельничного колеса» с этой таинственной подписью... Все это нам рассказал Сердару в промежутках между танцами и пантомимами.

Я беспокойно встал из-за стола и подошел к креслу, в котором тогда сидела Никулина. Наверное, нужно было поинтересоваться, как они отсчитали эти двести сорок три дня: они что, считали день за днем, отрывая листки от календаря? Но в тот момент я сильно растерялся, а через какое-то время Никулина рассказала нам, что как только она увидела на афише название «Высоко звезда восходит...», она тут же вспомнила про подпись. Сделав несколько неожиданно больших шагов, она уже оказалась рядом с чемоданом, вытащила из него книгу, а в следующий момент остановилась перед столом и показала эти строки, написанные чернилами и карандашом. Однако Панделе это не впечатлило.

— Это экземпляр из первого тиража, — сказал он.

Никулина печально посмотрела на него; она была глубоко взволнована. Потом она вернулась к распахнутому чемодану и сунула книгу куда-то в ворох вуалей, как мне показалось.

— И все же нам нужно попробовать, — шепнула она Сердару.

Он торжественно встал и, залившись смертельной бледностью, обратился к Панделе, чеканя каждое слово:

— Сцена первая! Пантомима по индийской легенде. Матсиендранатх, пораженный беспмятством пленник женщин из страны Кадали...

Я был так удивлен и в какой-то мере очарован этими экзотическими именами, что даже не заметил, как Никулина выскользнула из платья и осталась в серебристом трико. Я смотрел, как она медленно нагибается, касается ладонями ковра и начинает томно себя оглаживать. Казалось, она бормочет непонятные слова. Но потом я понял, что их бормочет

не она, а Лауриан, который стоял возле стены, а еще чуть погодя я услышал, как он напеваает странную, тоскливую мелодию. Только тогда я увидел, что он запахнулся, спрятав галстук и рубашку, поднял воротник, — и теперь он казался совсем другим, постаревшим, с седой прядью на лбу и полуприкрытыми глазами. Но когда, когда он успел достать небольшую, короткую флейту, из которой полились невероятные звуки, что напоминали рев дикого зверя, неуловимо перетекающий в долгое рыдание, неземной плач, в котором слышалось приближение бури и треск ломающихся ветвей? Конечно, как и А.Д.П., я следил за пантомимой Никулины и не замечал действий Сердару.

Из мыслей меня вырвал, почти напугав, визг заколотого кабана, — только тогда я и обратил внимание на флейту. Все эти подробности я вспоминал, развалившись в кресле Никулины и глядя в потолок, когда затрезвонил телефон. Это был Гицэ Хория, директор издательства.

— Ну что, какие указания? — спросил он с сарказмом.

— Маэстро уехал за город, и пока что...

— Знаю-знаю, можешь мне не рассказывать, — перебил он. — Он звонил мне сегодня утром. Предупредил, что исчезнет на какое-то время, «по рабочим вопросам», и сказал, что оставил тебе четкие инструкции.

Я был в замешательстве, но не хотел, чтобы он об этом догадался.

— Если речь идет о первом томе «Воспоминаний»... — начал я.

Он раздраженно перебил меня опять.

— При чем тут «Воспоминания»? Он заявил мне о сенсационном проекте: о сборнике пьес для театра, и сказал, что дал тебе четкие указания.

— Я не в курсе.

— Значит, он пошутил надо мной! — крикнул он и бросил трубку.

Я беспокоюсь заметался из угла в угол. Чему мне верить? Не прошло и суток с того момента, когда А.Д.П. признался, что за всю свою жизнь он написал лишь одну вещь для театра, «Орфея и Эвридику», и то она оказалась глупой, претенциозной и надуманной. В архиве его рукописей, по крайней мере, в доступных мне папках, я никогда не находил чего-либо, что относилось бы к театру. Я не нашел даже рукописи или набранной на машинке копии тех пяти сцен из «Орфея и Эвридики».

В конце концов я уселся обратно в его кресло за письменным столом, достал письмо и внимательно его перечитал.

«Решающие и значительные события»; но почему «значительные для нас обоих»? Может, утром он говорил по телефону с кем-то из них — с Никулиной или Сердару — и узнал новые подробности о репетициях в Сибиу зимой 1938 года? Наверняка есть и другие свидетели. Откуда, например, Сердару знает, что Панделе уговорил актеров исполнить святочную песню «Высоко звезда восходит...» дома у его друзей? Откуда он знает, что Панделе сказал им, что *именно тогда он понял, насколько глубоко и значительно сходство между Орфеем и Иисусом Христом?*

Но вдруг я поймал себя на мыслях о Никулине: я думал о том, как ей удавалось так быстро избавляться от платья, причем каждый раз по-разному, так что теперь было сложно вспомнить, как она сня-

ла его во второй или третьей «сцене». Может, она стянула его через голову или же оно упало к ее ногам, и она вышла из него, словно из вороха белья? Меня заинтриговали и другие вещи. Я не понял, как она меняла трико: сначала оно было серебристое, потом черное, потом — лиловое, потом снова черное; как появлялись и исчезали вуали и шарфы, которые она после аккуратно сложила в чемодан? Как Сердару удавалось менять внешность и возраст: волосы его казались то седыми, то рыжими, горящими, будто медь на солнце? Он несколько раз рылся в чемодане; один раз он достал маску, — которой, кстати, не воспользовался, — а в другой раз несколько платков, которые он тщательно рассовал по разным карманам. Я не помню, чтобы он доставал какие-то другие предметы, хотя он использовал много музыкальных инструментов; да, они были маленькими, даже крошечными, но, видимо, все равно занимали довольно много места, — об этом говорило то, что перед уходом он сложил их в чемодан.

У меня было только одно объяснение: оба они выучились не только театральному искусству, танцу и музыке, но и каким-то фокусам. Вероятно, поэтому мы были настолько впечатлены, что иногда, когда сцена заканчивалась, ни я, ни Панделе не могли вымолвить ни слова — мы лишь смотрели друг на друга, хлопая глазами, будто только что очнулись ото сна.

Я вздрогнул, заслышав шаги Екатерины.

— Вы наверняка не ели с самого утра, а уже половина третьего... Вам что-нибудь приготовить? Глазунью или омлет? У нас есть и сыр, и фрукты, — добавила она, глядя на меня, как мне показалось, с легким удивлением.

Само собой, я выбрал омлет. Екатерина готовила его превосходно, у нее был рецепт от знаменитого Феликса.

— А пока ты будешь готовить, я чего-нибудь выпью, цуйку или лучше виски. Я что-то притомился...

Я уселся в столовой со стаканом в руке. Мне вспомнилось, что А.Д.П. держал стакан так же, в то время как я говорил ему про Никулину и Сердару, про их понимание спектакля. Он держал его, слегка поворачивая, будто не решался поднести к губам. Вероятно, он был в смятении, может, он осознал, что плохо помнит последовательность танцев и пантомим... По дороге домой я задавался вопросом, не идет ли речь о чем-то более серьезном: возможно, из-за плохого кровообращения у него началась амнезия. Я даже думал позвонить профессору, но решил выждать день-два.

Увидев, что Екатерина несет омлет, я залпом выпил половину стакана виски. И в тот момент я вспомнил, каким изысканным движением подносил стакан к губам Панделе, и почувствовал, что краснею.

— Видать, какие-то из них были несвежими, — сказала Екатерина, — или, наверное, вы неправильно держали букет. Я выбросила шесть роз.

В ее словах мне послышалась скрытая печаль, и я попытался ее успокоить.

— Значит, осталось еще тринадцать роз... Тринадцать, счастливое число! — воскликнул я, улыбаясь.

Екатерина перекрестилась.

— Не гневите Господа, — прошептала она.

5

Следующий день с самого утра обещал быть знойным, и я вышел из дома пораньше, сразу же после завтрака.

— Было три звонка, — с порога сообщила мне Екатерина. — Но трубку бросали почти сразу, не успевала я подойти.

— Жара, — ответил я, — люди быстро теряют терпение...

В гостиной я увидел синюю вазу: в ней осталось одиннадцать роз, и теперь мне показалось, будто я слышу их аромат. На рабочем столе меня ждала грудa писем и несколько свертков: поэтические сборники с длинными посвящениями и правки последнего издания «Мельничного колеса», присланные из издательства. Как обычно, большинство писем было от обожателей и от молодых преподавателей или газетчиков из провинции, которые объявляли о каком-либо проекте — это могли быть статьи, исследования, «оригинальные интерпретации», — и просили предоставить им биографические или библиографические сведения. Ответы на такие письма я печатал сразу на машинке по образцу, установленному три-четыре года назад. А.Д.П. их просто подписывал, а иногда, когда у него не было настроения или он спешил, то я подписывал их сам по его просьбе.

Я столько раз читал и перечитывал «Мельничное колесо» (в последние годы его постоянно переиздавали), что теперь не мог заставить себя взяться за него снова. К счастью, можно было положиться

на корректоров издательства. «Когда же выйдет следующий шедевр?» — спрашивали меня друзья и знакомые. Я с ходу выдумывал всевозможные отговорки; в последнее время я рассказывал им про «Воспоминания». Эта книга может стать важнейшей в творчестве А.Д.П., говорил я им, потому что она самая откровенная и самая личная. Но я осознавал, что преувеличиваю: на самом деле, самой *книги*, написанного произведения, не было. Он много чего мне диктовал, при этом, как он поговаривал, он сам не знал, что и как диктует, а я не осмеливался слишком править текст. Правда заключалась в том, что в течение последних лет А.Д.П. не писал ничего, кроме длинных, восхитительных писем, которые всегда были адресованы не друзьям или коллегам по ремеслу, а кому придется. Это могло быть письмо на первое имя, которое попало ему на глаза утром, когда его обуяла охота писать: письмо незнакомому читателю, ученику лицея, который еще делал орфографические ляпы, пожилому пенсионеру, с которым он случайно разговорился на скамейке в парке Чишмиджиу, разведенной родственнице, которая поздравляла его с Новым годом... Напрасно я убеждал его отвечать только на какие-то интересные письма. Желание писать охватывало его редко и, как он говорил, только по утрам; и хотя я хранил самые интересные письма в большом желтом конверте поверх словарей, в библиотеке, он притворялся, что не может его найти.

Я работал без настроения, но бойко, копируя ответы с образца. Только я ответил на пятое письмо, как мне вспомнилась одна деталь: когда танец стал совсем неистовым и Никулина закружилась на месте, выбрасывая руки то вправо, то влево, мне показа-

лось на миг, что она оголила грудь... Она была похожа на азиатскую менаду; ее волосы бились по плечам, спине, груди, словно змеи, свернутые кольцами, — и вроде я тогда стиснул зубы от страха, что она вот-вот пронзительно завизжит. Но это дикое исступление длилось не больше минуты; внезапно ритм танца изменился, стал медлительным, почти томным, а потом я вдруг увидел, что она собирает волосы, закручивает их на макушке, будто в тюрбан вишневого цвета... И действительно, — но я не уловил, как она это сделала, — на голове у нее уже был повязан шелковый тюрбан. Она покачивала им, а потом благоговейно застыла, точно статуя, и выкрикнула несколько отрывистых слов на незнакомом гортанном языке. После чего ее лицо вновь озарилось прежней улыбкой. Никулина повернулась к Панделе и шепнула: «Это было сирийское заклинание для усмирения вод».

Я резко встал из-за стола и подошел к месту, на котором я тогда сидел. Может, только отсюда было видно, как она обнажила грудь в танце. Я сел и стал внимательно, настороженно осматривать комнату. Странно, что А.Д.П. не указал мне на такой драматичный момент. И тут я понял (удивительно, что мне потребовалось два дня, чтобы понять такую явную вещь): шарфы, вуали, тюрбан и, наверное, даже разноцветные трико были спрятаны в складках платья, вернее, *составляли часть платья*. Никулина надевала и стягивала их в те моменты, когда она накидывала или снимала платье. Разумеется, все происходило за несколько секунд, в тот самый миг, когда Сердару начинал новую песню или удивлял нас новым инструментом. Но как, спрашивал я себя, я с самого начала не заметил, когда Никулина пересекла кабинет широким, торжественным шагом, что это ее необык-

новенное платье на самом деле было своего рода переносным гардеробом, который она надевала всякий раз, чтобы поставить «спектакль»? Жаль, я не мог сразу же поделиться своим открытием с А.Д.П. Однако не исключено, что он тоже обнаружил это вчера в пути, в грузовике. На Никулине было то же самое платье-гардероб, и она, несомненно, направлялась куда-то, где должны были состояться по меньшей мере несколько «спектаклей». Я сел обратно за стол и, чтобы обуздать свое возбуждение, сосредоточился на письмах. Позднее, когда я уже собирался попросить себе кофе, на пороге появилась Екатерина.

— Приехал какой-то парень на мотоцикле, с письмом от Маэстро. Но он говорит, что ему велено передать письмо вам лично в руки...

На кухне сидел юноша. В левой руке он держал конверт, в правой — большой разноцветный платок, которым он тщательно вытирал себе щеки. При виде меня он вскочил, протянул конверт и застенчиво произнес:

— Распишитесь за получение и укажите время, пожалуйста. Сейчас 15:45, — уточнил он, глянув на часы. — Вскройте конверт и возьмите письмо, — продолжал он, протягивая мне складной нож, — а конверт я заберу.

Внутри было несколько листов, вырванных из школьной тетради. «Дорогой мой, — писал А.Д.П., — я переживаю один из самых важнейших моментов откровения в моей жизни. Невозможно рассказать тебе все целиком в этом составленном наспех письме: курьер уезжает через десять минут, а я и не подозревал, что он вообще есть, пока вдруг не услышал рев мотоцикла — что меня и поразило, и возмутило. Вот самая суть: эти ребята, *просто-*

напросто невероятные ребята, оба сироты. Поэтому они так хорошо друг друга понимают, поэтому они *одновременно* влюбились друг в друга. Никулина искала отца пять лет, пока не узнала, что он не умер в лагере, как она считала, а был репатриирован с другими заключенными пятнадцать-шестнадцать лет тому назад. У этих *Поисков*⁴ яркие подробности, которые носят характер Откровения. И, как мне рассказал Сердару, это она раскрыла тайну той подписи в книге, о которой тебе известно и которая начинает меня тревожить, не потому, что она кажется мне ненастоящей, а потому, что я никак не могу вспомнить, что я делал в те рождественские дни в Сибиу, в 1938. Впрочем, Лауриан мне стал так же дорог, как и Никулина. Не думаю, что подтверждение возможного отцовства сможет как-то усилить эту искреннюю приязнь.

Но мне нужно еще столько всего добавить! Что-то я расскажу тебе при встрече, а вообще ты сам все увидишь, если только захочешь проникнуть в этот мир легенд, искусства и грез, в котором я пребываю вот уже почти пятьдесят часов... Надеюсь, ты прочел между строк и понял гораздо больше. Поэтому прошу тебя: в душе будь готов к приключению (о! я с молодости не пользовался этим выражением, и все же мне не стыдно его написать). До скорого! *As always*, А.Д.П.»

⁴ Здесь Элиаде делает отсылку к Поискам Грааля (*Questa*).

6

На следующий день я пришел на улицу Фын-тынелор поздно. Напольные часы в столовой били три часа пополудни. Не успел я зайти в кабинет, как зазвонил телефон.

— Если ты не в курсе последних новостей, — начал Гицэ Хория, — то я тебе их расскажу. Мне только что доставил письмо какой-то мотоциклист. Письмо просто-напросто сенсационное; повторяю, сенсационное! А.Д.П. пишет, что отныне он будет работать только над своим шедевром — и это будет не роман, не автобиография, а — внимание! — цитирую его слова: «оригинальный сборник пьес». Сюжеты актуальные, даже очень *актуальные*, но с «мифологическими дополнениями», — подчеркнул он. — И чтобы ты понял, что хотел сказать А.Д.П., зачитываю тебе этот отрывок: «Ошибка, которую совершили все современные драматурги, ошибка, которую совершил и я (потому что, признаюсь, в молодости я тоже написал пьесу), заключается в том, что мы пытались по-новому интерпретировать драму, т. е. античную мифологию, с точки зрения современной истории. А нужно наоборот дополнять и расширять античную мифологию посредством всего, чему западный человек научился в последние сто лет. Поэтому мои пьесы сначала нужно выпустить на бумаге, то есть дать возможность каждому читателю их осмыслить, и только после этого их можно ставить (необязательно на сцене больших театров). Кроме того, все эти пьесы будут отображать друг

друга подобно тому, как любая великая классическая трагедия отображает в себе всю греческую мифологию. Поэтому прошу тебя: поставь первый том “Пьес” в зимний выпуск, а “Воспоминания” перенеси на весну». Ну, что скажешь теперь? Тебе все ясно? — язвительно спросил меня Гицэ Хория.

Но он не дал мне ответить. Будто бы вдруг осознав бесчисленные сложности, которые повлекут за собой изменения в программе зимнего выпуска, он испустил вздох отчаяния и бросил трубку.

Я был поражен не меньше его. Если А.Д.П. не шутил, то по меньшей мере за три дня произошло настоящее преобразование. Похоже, что спектакли, на которых он присутствовал, так его вдохновили, что он решил вновь попытать счастья в драматургии. Но я не понимал, откуда такая уверенность в том, что его будущий сборник пьес станет настоящим шедевром. И как он успеет их так быстро написать, всего за несколько месяцев, а то и меньше, если он попросил Хорию поставить первый том «Пьес» в зимний выпуск?

Екатерина молча вошла, неся на маленьком подносе сладости, кофе и стакан с водой. Стоило ей встретиться со мной глазами, как я понял, что она подслушивала телефонный разговор из спальни.

— Я хотела позвонить Анете, — сказала она, вспыхнув. — Подняла трубку и услышала голос господина директора. Стало быть, — добавила она с таинственной улыбкой, — он пишет пьесы. Но почему же он не сказал об этом нам?

Я попробовал отшутиться.

— Может, он хотел сделать нам сюрприз.

Некоторое время она молчала, не отрывая от меня пытливого взгляда.

— Я знаю его лучше, чем вы, и я клянусь: причина в другом. Позже мы в этом убедимся...

Какое удовольствие получила бы Екатерина, если бы она смогла подслушать наш разговор с А.Д.П. тем же вечером, когда он дал мне ряд указаний — столь же загадочных, сколь точных! Но Панделе позвонил мне прямо домой через несколько часов. Мне не удалось выяснить, как он себя чувствует и как у него дела, потому что он сразу же спросил меня, участвовал ли я когда-нибудь в танцах кэлушаров⁵?

— Нет, но про сами танцы знаю. То есть я видел фотографии, я читал о кэлушарах, я даже видел их как-то в кино.

Он нетерпеливо перебил меня:

— Значит, тебе известно, что в каждой группе есть человек, которому не дозволено разговаривать.

— Да, так называемый Немой.

— Так точно, Немой. А теперь слушай меня внимательно. Собери небольшой чемодан с вещами на несколько дней. Никак изысков, ты едешь не на светский раут. Завтра после обеда, где-то в три тридцать или в четыре дня, за тобой заедут. Екатерине ни слова. Скажешь только, что ты едешь на несколько дней к другу. Тебя заберет на машине смуглый парень. Он позвонит в дверь и спросит тебя. Больше ты от него ничего не услышишь (разумеется, только если — постучи по дереву! — по пути не случится аварии и ему не придется давать показания). А так он будет молчать всю дорогу, потому что, по разным причинам (слишком сложным, чтобы объяснять по

⁵ Мужчины, практиковавшие ритуальные целительные танцы на протяжении Русальной недели.

телефону), наконец, по определенным причинам, *он соблюдает обет молчания*... В этом нет ничего таинственного, — добавил он несколько смущенно. — Говоря твоими же словами, речь идет всего лишь о ритуальной функции спектакля...

— Меня очень тронуло ваше вчерашнее письмо, — вставил я, воспользовавшись короткой паузой.

— Bravo! Я был уверен, что так и будет... В общем, до завтра. И смотри, не проболтайся Екатерине. Веди себя как можно более естественно... Дорога займет около трех часов, — добавил он.

Конец ознакомительного фрагмента.